

КУЛЬТУРНЫЙ ДНЕВНИК

Тайны русского Китая. Андрей Иванов – о романе "Весна священна"

Дмитрий Волчек

17 октября 2026

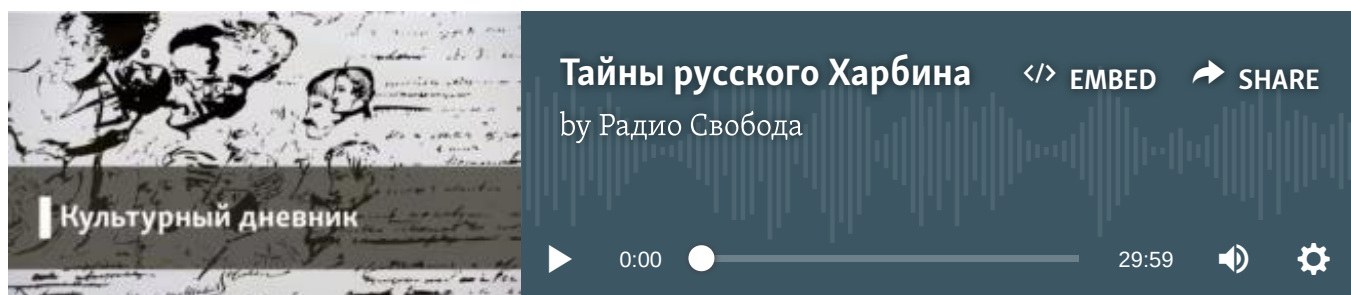

Русские фашисты и японские представители на приеме, который устроила Российская фашистская партия в Харбине в 1934 году. Сидит второй слева Константин Родзаевский

В Харбине в первой половине XX века жили десятки тысяч выходцев из России. Здесь, в Маньчжурии, в 1931 году была основана [Всероссийская фашистская партия](#), которую возглавил бежавший из СССР [Константин Родзаевский](#). Детективная интрига нового романа живущего в Эстонии писателя Андрея Иванова "Весна священна" связана с драматической историей 1933 года: похищением и зверским убийством Семёна Каспе, сына одного из богатейших предпринимателей русского Китая. Это преступление организовали фашисты из партии Родзаевского.

Как и герои "Харбинских мотыльков" (2013), романа Андрея Иванова о первой русской эмиграции, получившего премию "НОС", персонажи "Весны" ищут спасения в мире грёз: почти у каждого, вплоть до одинокой домохозяйки, есть

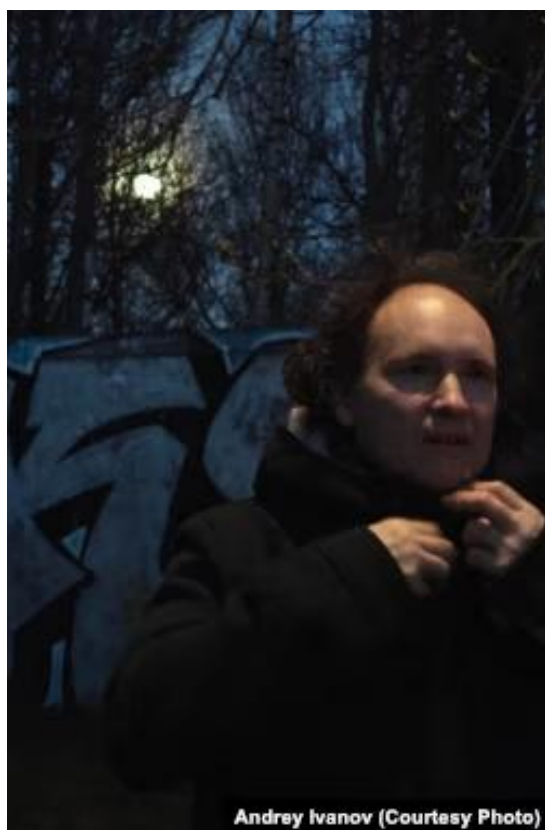
запас кокаина, опиумных свечей или гашиша. Явь слишком страшна, трезвый человек вынести её не способен. Невинной жертвой варваров становится интеллигент-мизантроп, мечтающий только об одном – чтобы окружающие оставили его в покое.

↗ Pop-out player

↓ Скачать медиафайл ▾

В интервью Радио Свобода **Андрей Иванов** проводит параллель между убийством своего героя и гибелью пианиста Павла Кушнера в современной российской тюрьме и объясняет, почему больше не хочет публиковаться в России, где его книги имели успех и получали литературные награды.

Andrey Ivanov (Courtesy Photo)

Андрей Иванов

– Харбин кажется провинциальным городом, в котором дореволюционная жизнь продолжалась и после 1917 года. Но в вашем романе это взбаламученный мир, где одна катастрофа следует за другой, где нет покоя ни на секунду: эпидемии, разбой, погромы, политическая нестабильность и, главное, наводнение, которое оставляет сотни трупов, как в романе Пьера Гийота. Почему вы так безжалостны к Харбину и насылаете на него всё новые и новые беды?

– Эти беды случились, я всего лишь отслеживал последовательность катастроф. Их становилось всё больше и больше, я ничего не добавлял от себя. Я бы даже сказал, что преуменьшал, сглаживал, потому что знал: у читателя возникнет ощущение, будто я преувеличиваю. Мне часто приписывают

преувеличение невзгод и катастроф. На самом деле я ничего не придумал.

Что же касается того безмятежного времени, которое было у Харбина после революции, то оно длилось недолго: уже в 1920 году начались потрясения, которые

продолжались год от года. В 1920-м у всех российских подданных выдернули коврик из-под ног, и они оказались в Китае, а до этого жили совершенно русской жизнью. Тогда ведь ещё сохранялось ощущение, что большевистская ветрянка пройдёт и забудется и возобновится та жизнь, которой жили раньше. Но не получилось.

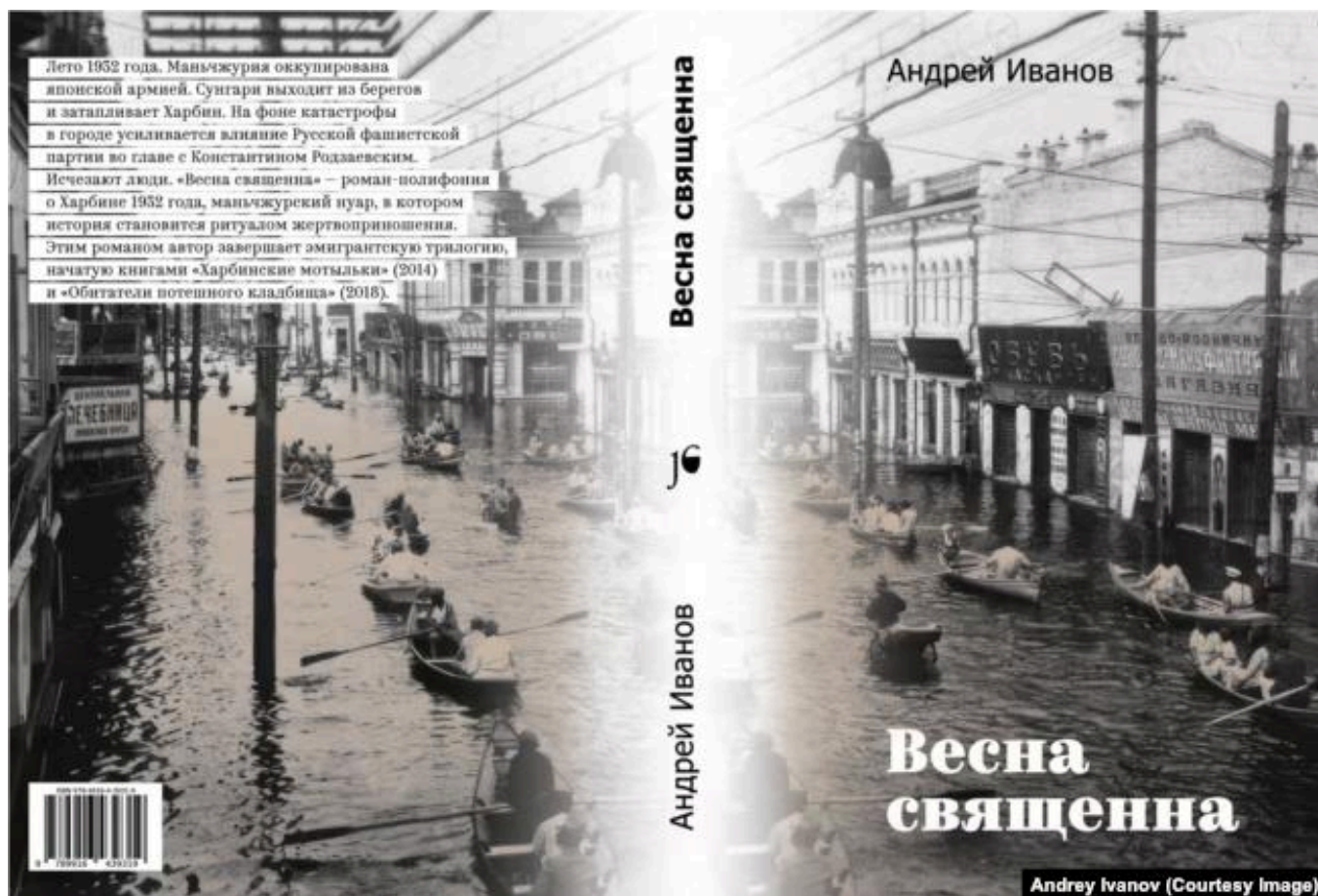

СМОТРИ ТАКЖЕ

"Расстреляли за то, что родились в Харбине".
Годовщина репрессий на КВЖД

– А вы бывали в Харбине?

– Нет, в Китае я не бывал, поэтому долго не хотел браться за эту книгу. После "Харбинских мотыльков" у меня мелькнула шальная мысль, но я от неё отмахнулся и решил, что напишу о Париже. И написал "Обитателей потешного кладбища" – это тоже был большой, рискованный шаг, ведь я не знал Парижа, я переехал туда на некоторое время. После этого романа я думал, что больше ни за что не буду писать на эту тему: "Обитатели" дались мне большой кровью.

Обложка романа Андрея Иванова "Весна священна"

Но у меня была знакомая харбинка – она появилась в моей жизни совсем ненадолго, подарила мне несколько книг. Мы встречались, говорили совсем коротко. Она спрашивала: "Ну когда же вы напишете о Харбине?". А я отвечал, что ни за что не напишу. Она говорила: "Вы не знаете, может быть, и напишете". Оставила свои книги, и через некоторое время её не стало. Она была такой лучистой, солнечной женщиной, уже в почтенном возрасте – родилась, кажется, в 1937 году.

“ "Ну когда же вы напишете о Харбине?". А я отвечал, что ни за что не напишу. Она говорила: "Вы не знаете, может быть, и напишете" "

Это засело во мне. Я читал её книги, они расширяли мои представления о Харбине. В этих книгах он действительно был лучистым, чистым, красивым, лучезарным, я бы сказал – фантастическим. У меня возникало ощущение, что это город-утопия. Но у меня были большие сомнения: город, в котором возникла штаб-квартира русского фашизма, не мог быть таким уж

прозрачным и чистым. Что-то там было не так. Эта заноза сидела во мне, и я должен был выяснить это для себя.

Я вернулся к этому вопросу не так давно, когда началось нападение России на Украину. Поэт Хамдам Закиров пригласил меня в Хельсинки, чтобы разобраться, что такое русский фашизм. Он хотел поговорить об этом со мной как с автором "Мотыльков". Я поехал, но мне показалось, что я там не до конца развернулся, не смог всё рассказать, потому что работал с переводчиком – замечательным переводчиком Южкой Маллинен. Когда я говорю через переводчика, у меня не получается войти в такое состояние, когда слова идут сами. Нужно прерываться, и высказаться в полную силу не выходит.

После этого меня пригласили выступить о "Харбинских мотыльках" ещё и в Славянскую библиотеку в Праге. Там тоже был замечательный переводчик, и у меня тоже осталось послевкусие недосказанности. Я понял, что знаю больше, чем рассказал. До Харбина я тогда, по-моему, даже не добрался: говорил о русских фашистах, которые жили в Финляндии, – о [Северине Цезаревиче Добровольском](#), – и об [Анастасии Вонсяцком](#) в Америке. О Родзаевском почти не успел.

Всё это сложилось в кумулятивный заряд, который втолкнул меня в эту тему. Однажды я почувствовал, что вращаюсь в какой-то воронке, и у меня в голове вертятся персонажи. Я начал читать по теме, искать. Находил одного героя за другим, и они втолкнули меня в тот Харбин, о котором почти не писали: Харбин криминальный, Харбин неустроенности и болезней. Это чума 1911 года, потом

другая чума, в 1920-м, – она прошла по касательной, но тоже была. Холера, одно наводнение, другое, третье.

СМОТРИ ТАКЖЕ

Счастливая Хорватия на Дальнем Востоке, или конец Желтороссии

Читал я об этом в Гуверовском институте, в газетах – там оцифровали огромный архив. Чем больше я читал газеты, простые бытовые описания, тем яснее понимал, что нашёл именно то, из чего смогу строить. Сначала я думал, что напишу несколько новелл; одну из них отправил в журнал, но пока её не опубликовали. Я продолжал писать и так пришёл к роману. Он меня затянул, притянул к себе. Я попал на его орбиту и не смог бы выбраться, пока его не написал.

– В романе появляется детский союз "[Фашистские крошки](#)", и есть сцена на швейной фабрике, где работает основательница этой организации. Кажется, что это шутка, но такая организация на самом деле существовала в Харбине. Это все забавно, так что возникает вопрос – была ли партия российских фашистов действительно настолько криминальной? Правда ли, что она была причастна к похищениям и убийствам?

– Да, была. Родзаевскому приписывают куда более крупное преступление – похищение не отдельного человека, а целой Маньчжурии. Если бы не его участие в провокации, которую японцы и русские фашисты совместно устроили в Харбине, может быть, и не было бы [вторжения](#). Хотя, думаю, оно всё равно бы случилось. Но он помог эту провокацию организовать.

Я прочитал об этом статью Такэси Накадзимы, опубликованную Токийским университетом. Он пишет, что Родзаевский стал информатором японской контрразведки ещё до вторжения 1932 года. Он был репортёром "Харбинского времени" – газеты, которую основали японские разведчики. Через эту газету он поставлял информацию о том, что происходит в Маньчжурии и в Харбине. Не только он, но и генерал Косьмин, который тогда был формальным лидером фашистской партии. Но настоящим лидером, конечно, был Родзаевский.

Wikimedia Commons

Издание "Союза фашистских крошек"

Накануне вторжения, во время столкновения китайских и русских рабочих – на самом деле это были переодетые фашисты, – Родзаевский подъехал туда на машине с японским флагом. И по машине якобы стреляли китайские полицейские. Этот эпизод и послужил толчком к вторжению в Харбин – так, во всяком случае, пишет Такэси Накадзима. В книге я этого не касаюсь, потому что мои герои и рассказчики не могут знать всего, что-то от них ускользает. Поэтому я мягко оставил это за скобками. Но я точно знаю, что русских фашистов судили за похищение пианиста Семёна Каспе. Им приписывают и похищение ещё нескольких человек, но, насколько я знаю, это доказано не было.

– Ваши герои, противостоящие Родзаевскому и его однопартийцам, так или иначе связаны с журналом "Степь". Такого журнала в Харбине не было, но был влиятельный литературный журнал "Рубеж". "Рубеж" превратился в вашем романе в "Степь"?

– Нет, это скорее вымысел. "Рубеж" я, конечно, знал: я просмотрел практически все периодические издания, которые там выходили, всё, что можно было найти. Но в какой-то момент я остановился, потому что я не учёный, я всё-таки сочинитель. Огромный поток информации из газет начал меня топить, и я решил сосредоточиться на лете 1932 года.

Отсюда, может быть, и впечатление, что Харбин – город-катастрофа: я описываю в основном этот год. А это год вторжения японской армии, год гражданской войны за Маньчжурию. Воюют уже разбитая армия и японские части, а также расколовшиеся китайские войска – подчас друг с другом. Больше всего достаётся, конечно, мирному населению. А на фоне наводнения всё это выглядит катастрофически. Люди, жившие тогда, часто говорили, что наводнение послано им в наказание за то, что приняли японцев. Очень многие их приняли, особенно русские фашисты, – они выходили встречать японцев с цветами, потому что были недовольны китайскими властями.

Что касается "Степи" – это лишь один из эпизодов, в котором я показал, как русские фашисты реагировали на критику. Журналистов, критиковавших партию Родзаевского, очень часто либо избивали, либо убивали, либо давили на газету, и её закрывали. Это не выдуманный случай. Когда я описываю, как судья наказывает моего героя, а саму газету штрафуют, – это заметка из харбинской газеты.

“ Журналистов, критиковавших партию Родзаевского, очень часто либо избивали, либо убивали, либо давили на газету

– Один из самых известных харбинских фашистов – выдающийся поэт Арсений Несмелов. Своего героя, писателя, вы назвали Неверовым. Сперва я подумал, что это намёк на Несмелова, но общего у них очень мало. И всё же Несмелов в вашем романе присутствует: один из персонажей, например, цитирует его стихотворение "Разведчики": "На чердаке, где перья и

помёт..." Мне показалось, что вы думали о нём, когда писали книгу.

– Конечно, он присутствует, но я понял, что мне нужен другой герой, потому что я не читал прозы Несмелова, его записок, писем. Я читал только стихи и знаю, как и где он умер: в Гродеково, в бывшей школе, приспособленной под тюрьму. Мне рассказала об этом Марина Михайловна Адамович. Это была огромная изба, и в ней умерли очень многие. Кормили очень плохо, помещение не было рассчитано на такое количество людей. Условия были совершенно ненормальные.

СМОТРИ ТАКЖЕ

На СМЕРШ поэта

А что касается его присутствия в книге, то да, я наметил героя, но в нём становилось всё больше и больше моих собственных черт. Тогда я понял, что незачем насильно тянуть прототипа в книгу, и решил оставить то, что пришло само. Я пишу то, что само идёт, ведь это незнакомая территория, и персонажи тоже незнакомые.

Например, Гулливер – Сергей Николаевский. Мало кто догадается, что его вдохновил [Борис Юльский](#). Тоже хороший харбинский писатель, попавший под влияние русских фашистов и писавший в "Наш путь". Он был мне чрезвычайно симпатичен и интересен. Я думал: почему, зачем этот загиб в "Наш путь"? И однажды понял, что мой ум его оправдывает – придумывает какой-то кульбит, шпионскую историю, будто он пошёл туда, чтобы что-то выведывать, шпионить за фашистами. Они ведь его потом даже выгнали из партии, считая, что он использует её в своих целях. Он был любителем запрещённых веществ и писал об этом. И когда я понял, что сочиняю биографию историческому лицу, я решил, что это мой персонаж, – и дальше пошло само.

Так постепенно родились мои персонажи. Они отделились от людей, живших в реальном Харбине. И сам Харбин тоже стал более самостоятельным персонажем, всё больше принадлежащим мне. Именно это и развязало мне руки, это было постепенное освобождение. Образ города, который у всех чётко представляется, – это мифический отпечаток в сознании. Я от него оторвался и создал тот Харбин, который увидел в документах, газетах, в судьбах людей.

ИЗ РОМАНА "ВЕСНА СВЯЩЕННА"

Я не верю, что человека можно знать – даже если вам понятен в нем каждый пузырек. Целого человека собрать нельзя: он не бывает целым, даже после смерти. Сколько бы вы ни оглядывались, ни всматривались в его портрет, – ничего не поймете. Каждый, даже самый на первый взгляд невзрачный проходимец, – это бесконечность комнат. Он должен себя открыть. Города – хорошие помощники в этом деле. Они тебя гоняют, вытряхивают из нутра застоявшуюся труху, разгоняют кровь. Время здесь, как я заметил, идет не так, как в других, мною испытанных городах. Харбин закрадывается под кожу потихоньку. Заманивает, изумляет – как индийский факир. Тут есть все, что бывает на человеческом рынке: притворная скромность, лицедейство высочайшей пробы, краснбайство и бульварная пестрота, кокетство, сальная сплетня, язвительность, булавки-упреки, лукавые взгляды, ужимки всех сортов: метафизический цирк! – но в сущности все те же приемы. Город-лабиринт, в котором меняются городовые, чиновники, власть – все меняется, кроме самого хода. Иной раз мне кажется, будто я слышу стук его сердца или дыхание, но все

это – тот же вой степи. Поезда еще вчера ходили по расписанию, а теперь не ходят вовсе. Один расхлябанный, гремя суставами, прилетает и ломается; его тянут, чинят, люди толкуются. Весь город – огромный вокзал. Все временно: одни только прибыли, другие вот-вот отбудут. Никто не сидит на месте, все куда-то едут – даже те, кто думает, что никуда не едет. Нет, и они едут. Потому что никто над собой не властен. Каждый сюда вброшен, как семечка: прорастает человек в своей полосе, как на грядке, чего-то ждет, какой-то спелости. А потом мировая воля хватает его, выдергивает, сажает в поезд – и он куда-то летит. Постичь это невозможно. Каждый живет в ловушке, которую сам же и обустроивает. И почти все время, что ему отведено, и почти все силы, что ему даны, он тратит на то, чтобы защищать свою темницу. Ни о чем другом не думает – только вздыхает и винит всех вокруг. Кого я здесь только не встречал! Ноев ковчег, а не город. Мошенники, аристократы, притворщики, шулеры и скопидомы. Почти все они – бывшие. Это их главная характеристика: здесь все – бывшие, в любом смысле. Напыщенные старцы, звавшие себя когда-то константиновцами, каким-то чудом уцелели здесь вопреки законам природы. В том же зале, среди этих тлеющих мумий, ловко шныряют юнцы: славят тупицу [Кирилла Владимировича](#), юлить и вилять для них естественно, будто шило у них в зад. Крошечники, фанатики, анархисты, морфинисты, декаденты, нигилисты – кого здесь только нет. Все они пытаются вернуть Россию. Все одержимы одним. Всех уравнивает одна черта – они уверены, что знают, куда движутся, уверены, что распоряжаются своей судьбой как чемоданами, сумками, котомками. Но судьба – не вещь, жизнь человека нанизана на тончайшую нить намерения, связывающую все живое с катушкой бесконечности.

– Среди ваших персонажей есть демонический полковник Эшаппар, который помогает фашистам. Может показаться, что это вымысел, но человек с похожим именем, [Владимир Дюбрейль-Эшаппарр](#), действительно существовал.

– Да, он действительно существовал, но я его немного пересоздал, дал ему неполное имя и немного изменил биографию. Я точно знаю, что Эшаппарр писал для "Нашего пути" и что он занимался похищениями. Об этом вспоминает в своей книге известный меценат и купец Кулаев. Его самого пытались похитить, и не раз: он был очень богатым предпринимателем. У Кулаева в Тяньцзине похитили сыновей, но их быстро спасли. И одним из похитителей был как раз Владимир Николаевич Эшаппарр.

Улица в Харбине, открытка 1930-х годов

Эта история засела у меня в голове, я подумал, что тут многое сходится, и решил поработать над этим образом. Нужно было как-то выстроить историю, и он в неё сам ворвался. Это происходит непонятно как. Я просто написал: "В дверь госпожи Сороки постучали, и откуда ей было знать, что полковник Эшаппар, скучая, бросал монетку на газету в поезде".

Так всё и возникло, а дальше начало работать. Я не знаю, как это происходит. Я ничего не планирую, когда пишу, мною руководят интуиция и образы. Гийота в интервью говорил, что, когда он пишет, у него в ухе сосредоточен весь французский язык. У меня этого нет. У меня есть какие-то размытые образы. Я делаю наброски, что-то записываю, потом возвращаюсь к записанному.

– Думаю, ваши книги сейчас не могут выйти в России. Во-первых, потому, что тема наркотиков табуирована. Во-вторых, в романе, хотя и на периферии, есть ЛГБТ-сюжет, а это тоже под запретом. Да и исследования русского фашизма не очень поощряются. Ощущаете ли вы внутреннюю тяжесть от того, что за последние годы между вами и читателями в России опустился такой полупрозрачный занавес?

– Нет, никакой тяжести я не чувствую, скорее наоборот. Помню, после выхода "Театра ужасов" в 2021 году редактор Денис Ларионов хотел издать мой следующий роман, "Под ласковой звездой". А там действительно очень ярко представлены и ЛГБТ, и вещества: один из главных героев совершенно неопределённой

сексуальной ориентации и экспериментирует очень интересно. Я подумал-подумал и решил, что не хочу. Мне вдруг стало очень тяжело, и я написал ему: давай не будем. Подумал: пусть "Театр ужасов" станет последним романом, изданным там. А почти сразу после этого случилось ужасное вторжение в Украину, и всё решилось само собой.

“ Если эти люди поддерживают то, что происходит под руководством Путина, то и книги мои им не нужны

Я понял, что ни в коем случае не могу там публиковаться. Это моё решение. Я не критикую и не ругаю тех, кто продолжает издавать там свои книги, – это их выбор. А я просто не хочу. И тоски не испытываю: если эти люди поддерживают то, что происходит под руководством Путина, то и книги мои

им не нужны. Так что я воспринимаю это совершенно спокойно. Думаю, я даже стал свободнее писать, как-то легче вдруг стало.

– Когда мы говорили с вами о "Харбинских мотыльках", вы сказали, что вам не нравится, когда читатели проводят прямые параллели между вашим романом и сегодняшней реальностью. Запретить это читателю невозможно: тот, кто следит за новостями и читает роман о русской эмиграции, неизбежно будет проводить параллели. А проводите ли их вы, или это кажется вам слишком банальным?

– Да, провожу. В этот раз я просто не удержался, потому что сам сложил этот узор. Когда я узнал о смерти Павла Кушнера, мне сразу вспомнилось, как убили Семёна Каспе. Это так сильно на меня подействовало, что я увидел узор, который будто повторяется в истории. В этом есть символ: органы, призванные охранять закон, похищают человека и зверски его убивают – или заставляют страдать, и затем он умирает сам. Я не знаю, как умер Кушнер, никто не знает. Но я увидел в этом страшное сходство, уже не смог отвести взгляд и довёл это до конца книги. Я написал так, как увидел.

Дмитрий Волчек

История

Культурный дневник

Выбор Свободы

Культура